

УДК 398.22

ББК 83.3(2Рос=Калм)

Ц. Б. Селева

СТРУКТУРА КАЛМЫЦКИХ БОГАТЫРСКИХ СКАЗОК В СВЕТЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В. Я. ПРОППА

Современные исследователи рассматривают фольклорный сказочный текст как целостную, самобытную, структурированную поэтическую систему. В этой связи особую актуальность приобретает изучение структуры сказочного текста как системного явления. Целью исследования является выявление инвариантной структуры метасюжета калмыцких волшебного-героических и богатырских сказок. В статье определены следующие задачи: рассмотрение повествовательной структуры калмыцких богатырских сказок с применением морфологической теории В. Я. Проппа, основанной на функциях персонажей; выявление сюжетных типов и трансформации синтагм. Разработанный В. Я. Проппом, морфологический подход позволил выявить инвариантную структуру метасюжета волшебной сказки, состоящую из синтагматической последовательности определенного числа (31) функций действующих персонажей. Как правило, каждый персонаж имеет свой круг действий, т. е. одну или несколько функций. В ходе исследования рассмотрена повествовательная структура калмыцких богатырских сказок, состоящая из синтагматической последовательности следующих функций: недовольство (вредительство) – ликвидация, запрещение – нарушение запрета, трудная задача – решение, борьба – победа. Данные элементы представляют семантические противопоставления и относятся к сюжетным, событийным коллизиям. Фундаментальной структурообразующей оппозицией богатырской сказки является оппозиция свой/чужой. В результате анализа выявлено, что структура калмыцких богатырских сказок совпадает со структурой волшебных сказок в части представленных основных функций, из которых выстраивается инвариантная структура метасюжета. В структуре обоих типов сказочного повествования наблюдаются сходные элементы – предварительное испытание, добывание чудесных средств суженой, встреча с чудесными помощниками, пособничество, вредительство, ликвидация недовольства, добывание объекта поисков и др. Богатырские сказки не содержат полный синтагматический ряд функций. Чаще всего они имеют сокращенную структуру, но практически все воспроизводят основные функции сказок, выявленные В. Я. Проппом, в различных комбинациях и последовательности. Кроме того, наблюдается трансформация последовательности структурных элементов (функций), а также их ассимиляция. Различия сказочных типов обусловлены основной сюжетообразующей функцией главного героя – «выполнение трудной задачи» (борьба с антиподом или героическое сватовство). В перспективе именно структурный подход В. Я. Проппа открывает возможности к обнаружению ряда закономерностей и внутренних свойств сказочных текстов различных национальных традиций, что, в свою очередь, позволяет выявить существенные особенности, способы и пути сюжетосложения, а также их типологию.

Ключевые слова: структура, богатырская сказка, сюжет, элементы структуры текста, метод В. Я. Проппа, функции персонажей, сказочный текст, ход повествования, герой, сюжетообразующие функции.

СЕЛЕВА Цаган Бадмаевна – н. с. отдела фольклора ФГБУН «Калмыцкий научный центр РАН».

E-mail: tsagana007@mail.ru

SELEEVA Tsagan Badmaevna – Reseacher, Department of Folklore, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences.

Ts. B. Seleva

Structure of Kalmyk Heroic Fairy Tales in the Light of the V. Y. Propp's Morphological Theory

Modern scholars consider folk fairy-tale text as coherent, distinctive, structured poetic system. In this regard, the study of the structure of the fairy-tale text as a systemic phenomenon acquires particular urgency. The aim of the study is to identify the invariant structure of the metaplot of the Kalmyk magic-heroic and heroic fairy tales. The article defines the following tasks: review the narrative structure of the Kalmyk heroic tales with the application of morphological theory of V. Propp, based on the basic functions of characters, and identification of plot types and transformation of syntagmas. The morphological approach developed by V. Propp made it possible to reveal the invariant structure of the metaplot of a fairy tale, consisting of a syntagmatic sequence of a certain number (31) of functions of acting characters. As a rule, each character has its own set of actions i.e. one or several functions. The study examined the narrative structure of the Kalmyk heroic tales, consisting of a syntagmatic sequence of the following: shortage (sabotage) — elimination, prohibition — violation of prohibition, difficult task — decision, fight — victory. These elements represent semantic oppositions and relate to the plot, event collisions. The fundamental structural opposition of the heroic fairy tale is the opposition of one's own / another's. The analysis revealed that the structure of the Kalmyk heroic tales coincides with the structure of fairy tales in relation to part of the main functions, which build the invariant structure of the metaplot. In the structure of both types of fairy tale narratives, there are similar elements - preliminary testing, obtaining miraculous means, narrowing, meeting with miraculous helpers, complicity, sabotage, elimination of shortage, obtaining the object of searches, etc. Heroic tales do not contain the full syntagmatic functions. Most often they have a reduced structure, but almost all reproduce the basic functions of fairy tales, identified V. Propp, in various combinations and sequences. In addition, there is a transformation of the sequence of structural elements (functions), as well as their assimilation. Differences of fairy types are due to the main plot-forming function of the protagonist - "performing a difficult task" (fighting against the antipode or heroic matchmaking). In the long term, the structural approach of V. Propp opens up the opportunities for discovering a number of regularities and internal properties of fairy-tale texts of various national traditions, which in turn makes it possible to reveal the essential features, methods and ways of plotting, and also their typology.

Keywords: structure, heroic fairy tale, the plot, the elements of the structure of the text, the method of V. J. Propp, functions of the characters, fairy text, the course of the narrative, character, plot-forming functions.

Введение

Исследование с применением структурного подхода доказало единообразие волшебных сказок на глубинном уровне сюжетной синтагматики [1]. Разработанный В. Я. Проппом морфологический подход позволил выявить инвариантную структуру метасюжета волшебной сказки, состоящую из синтагматической последовательности определенного числа (31) функций действующих персонажей. «Морфологическая теория» В. Я. Проппа получила дальнейшее развитие в исследованиях П. Г. Богатырева, Р. О. Якобсона [2], К. Бремона [3], А. Ж. Греймас [4], А. Дандеса [5], В. В. Иванова, В. Н. Топорова [6], К. Леви-Стросса [7], Ю. М. Лотмана [8], Е. М. Мелетинского [9–10], С. Ю. Неклюдова, Е. С. Новик, Д. М. Сегала [11], Б. Холбек [12] и др. Следует отметить опыт современных исследователей структуры текстов национальных сказок: Э. У. Омакаеву, С. С. Бадмаеву [13], Д. А. Носова [14], П. Л. Белкова [15], М. В. Кумаева [16] и др.

Выявление специфики сказочно-мифологического мышления и семантической парадигматики с применением структурального подхода при рассмотрении систем родства мифов и форм брака предпринято К. Леви-Строссом [7]. Понятие структуры,

по К. Леви-Строссу, подразумевает наличие системного единства: «Структура имеет системный характер. Соотношение составляющих ее элементов таково, что изменение какого-либо из них влечет за собой изменение всех остальных» [7, с. 306]. С концепцией К. Леви-Стросса соотносим взгляд на структуру фольклорного текста американского исследователя Алана Дандеса. Определяемые им единицы фольклорного текста представлены как абстракции различных сущностей, при комбинации, образующие более крупные единицы и разбивающиеся на более мелкие [5].

Сегментацию сказочного текста на ряд последовательных действий впервые произвел В. Я. Пропп, поскольку до этого превалировала атомистическая концепция неразложимости и цельности мотивных и сюжетных элементов. Повествовательные синтагмы, представленные функциями, составляют своего рода линейный синтагматический ряд. Клод Бремон предлагает считать функцией не только акцию персонажа, но и вообще любое событие, происходящее с одним или несколькими персонажами, в котором они участвуют как субъекты либо как объекты [3]. К явным недостаткам пропповской модели, а также А. Дандеса и К. Бремона, относится невозможность заглянуть в глубинную семантику мотива и сюжета. Необходим синтез подходов В. Я. Проппа, К. Леви-Стросса, А. Ж. Греймаса, П. Маранда, Е. М. Мелетинского и др., позволяющий сочетать описание структуры фольклорного повествования с описанием смысла текста, где сегменты обладают смысловой завершенностью и соотносимы с сюжетным замыслом и текстом в целом.

Целью настоящего исследования является выявление постоянных элементов структуры сказочного текста — основных «повествовательных синтагм В. Я. Проппа», выраженных функциями персонажей, формирующих метасюжет и композицию калмыцкой богатырской сказки. Представленные синтагмы будут рассмотрены с точки зрения функции и их значения в рамках определенных сюжетных типов. Тексты сказок сегментируются на действия и ситуации. Таким образом, детально выявляется событийная основа произведения — его сюжет. Это позволяет в последовательности действий выделить главное сюжетобразующее действие.

Функциональные элементы структуры калмыцкой богатырской сказки

Зачин в структуре калмыцких богатырских сказок

Рассмотрим структуру калмыцких богатырских сказок сквозь призму событийности, основанной на функциях героя. Сказка начинается с зачина, где «космический универсум представляется совершенным и гармоничным, зло вообще не присутствует в нем, а богатырь является гарантом этого гармонического состояния...» [17, с. 41]. Как правило, зачин содержит обозначение времени — «давно», «в давние времена», а также пространства — кочевье, страна, ханство, сообщает сведения о семье героя-богатыря — обычно это представители двух поколений — родители и дети, старшие и младшие: «В давние времена с двумя сыновьями жил богатый хан Дала Цецен, подчинивший вере своей семьдесят пять ханств-владений. Старшего его сына звали Дуту Улан, был он пяти лет от роду, младшего сына звали Аха-Сахал Богдитин, трехлетним был он. Хан-отец выдал своим двум сыновьям причитающуюся им долю-наследство. Два сына, взяв свой скот и подданных, образовав кочевье, стали жить каждый сам по себе. А отец их спустя год скончался» [18, с. 175].

Богатство героя-богатыря состоит из неисчислимых стад скота и табунов, прекрасных коней-аранзалов, а также прекрасного каменного дворца. Герой-богатырь наделен сверхчеловеческой силой и воинской доблестью, неукротимой энергией и свободолюбием, однако он имеет и особые приметы: «В давние времена жил богатырь Шарада с ушами в пять пядей, с лысиной конь у него» [19, с. 165]. Иногда сказка начинается с описания бездетности престарелых родителей и вымаливания ими чудесного ребенка.

Функция «временная отлучка»

Таким образом, зачин сказки еще не содержит функции, являясь лишь исходной

ситуацией, которая может инициировать функцию **«временной отлучки»**. Герой калмыцкой богатырской сказки отлучается на какое-то время из дому, чтобы поохотиться и тем самым потешить свою богатырскую удаль: «Хайрт Хара Кюкюлю наскучило жить в богатстве и беспечности, и, чтобы потешить свою богатырскую удаль, оседлал он и сел верхом на своего коня, взяв с собой охотничьих собак, отправился на охоту» [18, с. 20].

Функции «запрет» и «нарушение запрета»

Отлучка героя может сопровождаться запретом для оставшихся членов семьи, который затем обязательно нарушается. **«Запрет»** и **«нарушение запрета»** — парные функции, именно они задают начало действия сказки, без них не может быть самого сюжета сказки, потому что нарушение запрета незамедлительно приводит к несчастью или к беде. В сказке «Богатырь Уладжин Мерген» герой захватывает и пригоняет домой большого черного одноглазого человека и запрещает родным приближаться к нему. Сестра и матушка нарушают запрет и вступают в доверительные отношения с одноглазым человеком [18].

Функция «пособничество»

«Нарушение запрета» приводит к появлению в семье героя враждебного существа, который наносит вред. Это может быть существо хтонического происхождения (одноглазый мус, старуха с козьими ногами и др.). Члены семьи героя вступают в **пособничество** с враждебным существом и вредят герою. В сказке «Богатырь Уладжин Мерген» одноглазый мус вступает в сговор с сестрой и матерью и решает известить героя обманным путем.

Функции «вредительство», «беда» и «недостача»

Иногда функцию **«вредительство»** осуществляет хан, например, в сказке «Богатырь Шарсл» хан, желая добыть суженую героя своему сыну, решает избавиться от соперника и отправляет его посредством старухи-шулмуски на трудные задания [19]. В сказке «Хайрт Хара Кюкюл» герой участвует в состязаниях за невесту и, выполняя первое поручение, встречает шулмуску, которая наносит ему вред — крадет три чудесных яблока, добытые юношей.

Таким образом, вредительство в калмыцкой богатырской сказке выражается в различных формах, в частности, в форме похищения (волшебного средства, добычи или невесты).

Завязка сюжета не всегда начинается с «нарушения запрета» и повлекшей вследствие этого «беды». **«Беда»** может быть эквивалентна **«недостаче»**. В калмыцких сказках недостача представлена в виде пропажи или угона скота, умыкания суженой, пленения родных и подданных, тяжелой болезни отца/матери героя и др.

В завязке сказки «Арджи-Бурджи хан» одноглазый длинный черный человек наносит хану «вред» — крадет его коня, следствием чего становится «недостача» — исчезновение ханского коня и «беда» — хан теряет зрение: «Давным-давно это было. Жил-был хан Арджи-Бурджи. У него был конь Авин Аксак Улан. И вот однажды этого коня украд высокий черный человек, на макушке которого был единственный глаз. Очень сильно горевал хан Арджи-Бурджи по коню Авин Аксак Улану, так горевал, что глаза его подернулись черной пеленой, и он ослеп» [18, с. 155].

Функция мотивировки в структуре калмыцких богатырских сказок

Началом развития основного сюжета сказки служит **«мотивировка»** — получение героем вести о надвигающейся угрозе, противнике, суженой и состязаниях за нее, пленение родственников, а также их болезнь. Функцию вестника в калмыцких сказках обычно выполняет конь героя.

«Весть о суженой» в сказке «Хайрт Хара Кюкюл» служит мотивировкой для всех последующих действий героя — принятие вызова, сборы и отправление в путь, участие в трех состязаниях за невесту: «Если он способный муж, завтра ближе к полудню пусть

прибудет и примет участие в состязаниях за ханскую дочь, если он неспособный муж, то пусть прячется и лежит под подолом своей Ага Шавдал» [18, с. 20].

«Весть об антагонисте или надвигающейся угрозе» также является мотивировкой для развития сюжета в богатырских сказках, развивающих сюжет «о борьбе героя с антагонистом»: конь стал брыкаться в конюшне и, чуть было не разрушил ее. Герой отправил конюшего за конем. Когда привели коня, он сообщил весть: чтобы захватить его страну, к ним едет на священном рыжем коне богатырь Будя Мерген [18].

В других случаях мотивировкой может служить **«недостача»** — недостача чего-либо кому-то в семье, желание иметь что-либо, болезнь близких: Повзрослели три сына Арджи-Бурджи хана. Однажды они спрашивают у отца о том, что нужно для того, чтобы он стал зрячим. Хан-отец ответил, что если они увидят невиданную им никогда землю, то он станет вновь зрячим [18]. Мотивировкой может служить и болезнь самого героя как следствие совершенного им ранее преступления.

Сюжетообразующая функция «выполнение и решение трудной задачи»

Начало основной сюжетной линии связано с отправлением героя для **«выполнения и решения трудной задачи»**. Целью может быть поиск суженой или противника, угрожающего благополучию героя, устранение беды и недостачи, выраженных болезнью или пленением родственников. Путь к местонахождению объекта поиска и совет о решении трудной задачи герою чаще всего указывает старец, случайно встретившийся в пути. В сказке «Арджи-Бурджи хан» совет и помощь герою в преодолении трудной задачи оказывает лама, встретившийся ему в пути.

Ядром структуры сказочного повествования являются взаимосвязанные функции **«трудная задача»** и **«решение задачи»**, в основе которых находится **«испытание героя»**. «Испытание — это синтагматическая категория именно сказки» [11, с. 12]. В классической волшебной сказке герой проходит обычно «предварительное испытание», которое заключается в получении чудесного средства, а затем с помощью этого средства герой благополучно проходит «основное испытание». В богатырской сказке функция предварительного испытания может отсутствовать, но часто наблюдается дистрибутивная тождественность функций **«борьбы–победы»** и **«задачи-решения»**, являющихся алломорфами основного испытания [11].

Сказочные испытания генетически восходят к ранним ритуальным инициациям, «предпринимавшимся героем намеренно, для обретения сверхъестественных, магических способностей, которые он добывал посредством мучительных испытаний, в ином или в верхнем мире, после контактов с могучими духами. Инициация может быть представлена как временная смерть и последующее воскресение, а также — в более рациональной форме — как победа, одержанная над чудовищем» [20, с. 154]. Сказочный герой Уладжин Мерген проходит череду испытаний инициационного характера: герой вступает в сражение с мусом и погибает, но его смерть оказывается временной. Конь героя отправляется в верхний мир на поиски сестры героя, обитающей у тридцати трех тенгриев. Она исцеляет героя и забирает с собой в верхний мир. Через некоторое время герой возвращается на родину с целью собрать свой оставшийся народ. Герой находит муса, вступает с ним в поединок и одерживает победу [18].

Второй ход сюжетного повествования сказки «Хайрт Хара Кюкюл» связан с испытанием героя силами преисподней — сражением с мангасами и освобождением родных из вражеского плена: герой добирается до преисподней, где у входа его встречает старуха. Она сначала не выпускает его, а затем, узнав по черной родинке на левой лопатке, выпускает. В преисподней герой встречает жену брата и обретает в ее лице советчика и помощника. Он получает от нее ценные сведения о местонахождении души мангаса. Через какое-то время герой вступает в поединок, но лишь найдя душу мангаса, уничтожает его окончательно. Затем освобождает из плена своих родных и подданных [18].

В калмыцких сказках находят отражение и более поздние инициации, которые сводятся к предварительным испытаниям героя в процессе его социального воспитания — так называемым возрастным посвященным обрядам, совершаемым при переходе юношей в разряд взрослых мужчин. В сказке «Арджи-Бурджи хан» попытки старшего и среднего сыновей исполнить желание отца оказываются неудачными. Трудную задачу добывания из преисподней отцовского коня, украденного одноглазым человеком, выполняет младший сын.

Женитьба героя предваряется испытаниями претендентов — состязаниями, устраиваемыми отцом невесты. В сказке «Хайрт Хара Кюкюл» хан-отец устраивает три вида состязаний: первое состязание — добраться до горизонта, где сливается небо с землей, добыть и привезти три красных яблока. Второе состязание — борьба. Третье состязание — нацелившись, прострелить коровий сустав, пропустив его через дверь и выпустив через дымник, еще теплым положить на ладонь хана [18].

В сказке «Арджи-Бурджи хан» одной из нескольких трудных задач испытательного характера для героя является добывание суженой — дочери хана водного царства. К сказочным испытательным обрядам инициации относится не только уход и изгнание героя из своего социума, временная изоляция и странствия в иных странах, в верхнем или в нижнем мире, где и происходят контакты с духами, приобретение духов-помощников, но и непосредственная борьба с демоническими противниками. Враждебные акции вредителя всегда уравниваются реакцией героя — он должен принять вызов, сразиться и выдержать бой.

Вся описанная выше событийная структура калмыцкой богатырской сказки ведет к развязке. Одержав победу, герой ликвидирует первоначальную беду или недостаток. Уничтожив врага, он вызволяет народ из преисподней или чудесным образом оживляет умерших. Герой исполняет трудные задачи и получает в дар суженую. Добыв предмет своих поисков, он возвращается, вступает в брак и восходит на престол. Народ героя живет в счастье и благоденствии.

Заключение

Таким образом, повествовательная структура волшебной сказки акцентирует внимание на функциях героя, связанных с решением трудной задачи посредством волшебных средств или чудесных помощников. Чаще всего «трудная задача» состоит в добыче этих самых чудесных средств и предметов. Между тем функции героя богатырской сказки сосредоточены на интересах семьи, рода и связаны «со стремлением к гармонизации миропорядка, с подавлением хтонических и демонических сил, с организацией ряда социальных институтов и т. д.» [17, с. 29]. Основное различие состоит в том, что в волшебной сказке «действие с помощью чудесной силы и составляет главный подвиг, который является подвигом не из-за богатырского напряжения сил» [11, с. 19], самопроявления энергии и личной воли героя, как в богатырской сказке. При этом в структуре обоих типов сказочного повествования наблюдаются сходные элементы — предварительное испытание, добывание чудесных средств суженой, встреча с чудесными помощниками, пособничество, вредительство, ликвидация недостачи, добывание объекта поисков и др.

В ходе исследования выявлены и рассмотрены следующие основные функции, являющиеся структурными элементами калмыцкой богатырской сказки: недостача (вредительство) — ликвидация, запрет — нарушение запрета, трудная задача — решение, борьба — победа. Они представляют семантические противопоставления и относятся к сюжетным, событийным коллизиям. Фундаментальной структурообразующей оппозицией богатырской сказки является оппозиция свой/чужой. Так, в богатырской сказке оппозиция свой/чужой сводится к противопоставлению сил враждебных и дружественных герою: «В мифическом коде свой/чужой осознается как человеческий/нечеловеческий, в чисто родовом — как родной/неродной» [11, с. 37].

В результате анализа выявлено, что структура калмыцких богатырских сказок совпадает со структурой волшебных сказок в части представленных основных функций, из которых выстраивается инвариантная структура метасюжета. Богатырские сказки не содержат полный синтагматический ряд функций. Чаще всего они имеют сокращенную структуру, но практически все воспроизводят основные функции сказок, выявленные В.Я. Проппом, в различных комбинациях и последовательности. Кроме того, наблюдается трансформация последовательности структурных элементов (функций), а также их ассимиляция. Различия сказочных типов обусловлены основной сюжетобразующей функцией главного героя – «выполнением трудной задачи» (борьба с антиподом или героическое сватовство).

В перспективе именно структурный подход В. Я. Проппа открывает возможности к обнаружению ряда закономерностей и внутренних глубинных свойств сказочных текстов различных национальных традиций, что, в свою очередь, позволяет выявить существенные особенности, способы и пути сюжетосложения, а также их типологию.

Л и т е р а т у р а

1. Пропп В. Я. Морфология сказки. – Ленинград: Академия, 1928. – 153 с.
2. Богатырев П. Г., Якобсон Р. О. Фольклор как особая форма творчества // Вопросы теории народного искусства. – Москва: Изд-во «Искусство», 1971. – С. 369-383.
3. Бремон К. Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Семиотика. – М.: Радуга, 1985. – С. 429-436.
4. Греймас А. Ж. Структурная семантика: Поиск метода. – М.: Академический проект, 2004. – 368 с.
5. Дандес Алан От этических единиц к эмическим в структурном изучении сказок / Пер. А. В. Козьмина, коммент. А. В. Козьмина, А. С. Архиповой // Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сб. ст. / Алан Дандес: пер. с англ.; сост. А. С. Архипова. — М.: Вост. лит., 2003. – С. 14-29.
6. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). – Москва: Наука, 1965. – 246 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. под ред. и с примеч. Иванова В. В., отв. ред. Бутинов Н. А., Иванов В. В. – М.: Наука, 1983. – 536 с.
8. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14-285.
9. Мелетинский Е. М. Структурно-типологическое изучение сказки // Пропп В. Я. Морфология сказки. – Москва, 1969. – С. 134-166.
10. Мелетинский Е. М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике // Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания / отв. ред. Е. С. Новик. – Москва: РГГУ, 1998. – С. 33-52.
11. Мелетинский Е. М., Неклюдов С. Ю., Новик Е. С., Сегал Д. М. Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам IV (Уч. зап. ТГУ, № 236). – Тарту: ТГУ, 1969. – С. 86-135.
12. Holbek V. Interpretation of Fairy Tales. FFC 239. – Helsinki, 1987. – С. 323-389.
13. Омакаева Э. У., Бадмаева С. С. Сказка как текст: структура и семантика (на материале сказок монгольских народов) // Молодежь в науке. Межрегиональная научная конференция молодых ученых: сборник научных трудов. – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, 2004. – С. 75-85.
14. Носов Д. А. Структура повествования волшебной сказки монголоязычных народов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.13. – 2011. – Вып.3. – С. 63-70.
15. Белков П. Л. Образы волшебной сказки (вопросы структуры и текста) // Аспекты будущего (по этнографическим и фольклорным материалам). – С-Пб., 2012. – С. 315-329.
16. Кумаева М. В. Структура текста мансийской волшебной сказки // Ceteris Paribus. – 2016. – № 9. – С. 36-42.
17. Неклюдов С. Ю. Поэтика эпического повествования: пространство и время. – Москва:

Издательство «Форум», 2015. – 216 с.

18. Хальмг туулс / отв. ред. М. Э. Джимгиров. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1968. – 264 с.

19. Хальмг туулс / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1961. – 220 с.

20. Селеева Ц. Б. Специфическое и универсальное в образе героя калмыцкой богатырской сказки и эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – № 2. – С. 151-155.

References

1. Propp V. Ia. Morfologiia skazki. – Leningrad: Akademiia, 1928. – 153 s.

2. Bogatyrev P. G., Jakobson R. O. Fol'klor kak osobaia forma tvorchestva // Voprosy teorii narodnogo iskusstva. – Moskva: Izd-vo «Iskusstvo», 1971. – S. 369-383.

3. Bremon K. Strukturnoe izuchenie povestvovatel'nykh tekstov posle V. Proppa // Semiotika. – M.: Raduga, 1985. – S. 429-436.

4. Greimas A. Zh. Strukturnaia semantika: Poisk metoda. – M.: Akademicheskii proekt, 2004. – 368 s.

5. Dandes Alan Ot eticheskikh edinit k emicheskim v strukturnom izuchenii skazok / Per. A. V. Koz'mina, komment. A. V. Koz'mina, A. S. Arkhipovoi // Fol'klor: semiotika i / ili psikhooanaliz: Sb. st. / Alan Dandes: per. s angl.; sost. A. S. Arkhipova. — M.: Vost. lit., 2003. – S. 14-29.

6. Ivanov Viach. Vs., Toporov V. N. Slavianskie iazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy (Drevnii period). – Moskva: Nauka, 1965. – 246 s.

7. Levi-Stross K. Strukturnaia antropologiia / Per. s fr. pod. red. i s primech. Ivanova V. V., отв. red. Butinov N. A., Ivanov V. V. – M.: Nauka, 1983. – 536 s.

8. Lotman Iu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // Lotman Iu. M. Ob iskusstve. – SPb.: «Iskusstvo – SPB», 1998. – S. 14-285.

9. Meletinskii E. M. Strukturno-tipologicheskoe izuchenie skazki // Propp V. Ia. Morfologiia skazki. – Moskva, 1969. – S. 134-166.

10. Meletinskii E. M. K voprosu o primenении strukturno-semioticheskogo metoda v fol'kloristike // Meletinskii E. M. Izbrannye stat'i. Vospominaniia / отв. red. E. S. Novik. – Moskva: RGGU, 1998. – S. 33-52.

11. Meletinskii E. M., Nekliudov S. Iu., Novik E. S., Segal D. M. Problemy strukturnogo opisaniia volshebnoi skazki // Trudy po znakovym sistemam IV (Uch. zap. TGU, № 236). – Tartu: TGU, 1969. – S. 86-135.

12. Holbek V. Inteipretation of Fairy Tales. FFC 239. – Helsinki, 1987. – С. 323-389.

13. Omakaeva E. U., Badmaeva S. S. Skazka kak tekst: struktura i semantika (na materiale skazok mongol'skikh narodov) // Molodezh' v nauke. Mezhhregional'naia nauchnaia konferentsiia molodykh uchenykh: sbornik nauchnykh trudov. – Elista: Kalmytskii institut gumanitarnykh issledovaniy RAN, 2004. – S. 75-85.

14. Nosov D. A. Struktura povestvovaniia volshebnoi skazki mongolioazychnykh narodov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser.13. – 2011. – Vyp.3. – S. 63-70.

15. Belkov P. L. Obrazy volshebnoi skazki (voprosy struktury i teksta) // Aspekty budushchego (po etnograficheskim i fol'klornym materialam). – S-Pb., 2012. – S. 315-329.

16. Kumaeva M. V. Struktura teksta mansiiskoi volshebnoi skazki // Ceteris Paribus. – 2016. – № 9. – S. 36-42.

17. Nekliudov S. Iu. Poetika epicheskogo povestvovaniia: prostranstvo i vremia. – Moskva: Izdatel'stvo «Forum», 2015. – 216 s.

18. Khal'mg tuul's / отв. ред. М. Э. Джимгиров. – Элиста: Kalmytskoe knizhnoe izd-vo, 1968. – 264 s.

19. Khal'mg tuul's / sost. B. Sangadzhieva, L. Sangaev. – Элиста: Kalmytskoe knizhnoe izd-vo, 1961. – 220 s.

20. Seleeva Ts. B. Spetsificheskoe i universal'noe v obraze geroia kalmytskoi bogatyrskoi skazki i eposa «Dzhangar» // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – № 2. – С. 151-155.